

ГАЛИНА ПОЛЯКОВА

ДЕВУШКА, ЗВЁЗДЫ И ДВА МОРЯ

Документальная повесть о Герое Советского Союза лётчице Евгении Рудневой

В городе-герое Керчи меня поразили один памятник — девушке-лётчице, сгоревшей над Керчью во время Великой Отечественной войны. Конечно, мы знаем про легендарный женский полк, громивший фашистов с таким изяществом и находчивостью, что немцы прозвали их “ночными ведьмами”. Но когда понимаешь, что все они были ещё совсем молодыми девушками, — комок к горлу.

“Часто думаю: вот писатели берут судьбы, характеры изломанные какие-то, — вспоминает партторг полка Мария Ивановна Рунт. — Я понимаю, через отступление от нормы — показать норму. А в нашем полку все девушки были цельные, гармоничные натуры. Каждая могла бы стать положительной героиней любого литературного произведения. О каждой можно рассказывать бесконечно — все смелые, отчаянные, но по-своему каждая была индивидуальностью. И многие девочки были красивы, до чего красивы! До сих пор удивляюсь: откуда набрали столько красавиц!..”

Жене Рудневой прочили большое будущее в науке. В ней было редкое сочетание блестящих способностей, усидчивости, настойчивости и упорства. В 1939 году в бюллетене №3 Всесоюзного астрономо-геодезического общества была напечатана её первая научная работа: “Биологические наблюдения во время солнечного затмения 19 июня 1936 года”.

“Я хочу посвятить свою жизнь науке, и я это сделаю, — писала Жена в дневнике. — Все условия создала Советская власть для того, чтобы каждый мог осуществить свою мечту, какой бы смелой она ни была. Но я комсомолка, и общее дело мне дороже, чем своё личное (именно так я рассматриваю свою профессию), и если партия, рабочий класс этого потребуют, я надолго забуду астрономию, сделаюсь бойцом, санитаром, противохимиком”.

Она словно предвидела свою судьбу. И, читая о разгуле фашизма в Германии, делала выводы: “Надо во что бы то ни стало изучить пулемёт”.

На фронте Руднева стала штурманом 46-го гвардейского Таманского Краснознамённого ордена Суворова авиационного полка лёгких ночных бомбардировщиков. Только в районе Керченского полуострова она совершила 115 боевых вылетов. 645-й её вылет оказался последним. В ночь на 9 апреля 1944 года. Над целью самолёт был поражён огнём вражеской зенитки,

но штурман точно сбросила бомбы в скопление гитлеровской мотопехоты. А самолёт горящим факелом упал на землю...

“Мы бомбили Багерово и Тархан. Руднева вылетела проверять молодую лётчицу Пану Прокофьеву. Самолёт сразу поймали несколько прожекторов. Вероятно, снаряд попал в бензобак, так как машина падала, объята пламенем. От огня воспламенились ракеты, и из кабины во все стороны летели снопы разноцветных огней. Все, кто летал в ту ночь, видели эту страшную картину...” (из книги лётчицы, Героя Советского Союза, командира эскадрильи 46-го Таманского гвардейского ночного лекабомбардировочного полка, гвардии майора М. П. Чечневой “Небо остаётся нашим...”).

Летая над Керчью, Жёна как будто сливалась своей болью с болью всех жителей и защитников города, переживших такой ужас! Про Аджимушкайские каменоломни написано немало книг, сняты фильмы. Понять это могут ленинградцы, прошедшие блокаду, жители и защитники Бреста, те, кто отстаивал до конца до основания разрушенный Сталинград...

Мне посчастливилось прочитать многие её письма к подругам, к преподавателю, руководившему когда-то её научной работой, к любимому... Все они прекрасны, эти письма, автором их мог быть только незаурядный человек.

Вот поэтому так не хочется переходить на собственный авторский текст, оставить его по минимуму. Всё остальное пространство отдаю мыслям и чувствам этой потрясающей девушки, которые она так искренне изливала в своих письмах, и воспоминаниям боевых подруг.

“Бессонная ночь. Хорошо, что завтра нет полётов, — погодные условия не позволяют. Зато есть возможность поговорить обо всём, но всё же в последнее время мы всё чаще задаём себе вопросы и мучительно ищем на них ответы: почему с нашей страной так чудовищно поступили? Мы же подписали Акт о ненападении. Почему некоторые наши одноклассники не дожили и до 20? Почему мы лежим не в тёплых уютных постелях, а дрожим на мокрых сеновалах? Почему мы не ходим на танцы и на свидания, а бросаем бомбы? Почему? Не надо быть и семи пядей во лбу, чтобы понять: им всем — от Наполеона до Гитлера — нужна наша земля, наши богатства, но без нас... Но я и все мои девочки знают, как бы ни пафосно это звучало, что победа будет за нами, правда, доживут до неё не все...”

Родилась Жёна в Бердянске, что на Азовском море, таком родном, любимом и тёплом. Но не меньше любила она и другое, Чёрное, которое широко раскинулось совсем близко, и это казалось ей чудом. Заканчивался отпускной сезон, отдыхающие разъезжались, и юная фантазёрка в одиночестве бродила по безмолвному берегу. Только шуршание волны по гальке... А воображение рисовало бурную жизнь навсегда ушедших в вечность городов и народов. Странно: вот всё так реально, откроешь глаза — и нет ничего. А ещё она смотрела на звёзды так же заворожённо, как и на волны. Так в её жизни и сложились: эти две могучие стихии — безбрежные морские глубины и бесконечное небо стали её судьбой.

А однажды она почувствовала свои звёзды. Заснула под мерное шуршание волн по гальке: прилив — отлив, прилив — отлив... И услышала тихий перезвон... Открыла глаза — всё тихо. Ночь притаилась за шкафом, занавеской, дверью. Но стоит только встать, так, чтобы не скрипнула половица, на цыпочках подобраться к двери и внезапно толкнуть! Чуть-чуть приоткрыв глаза, чтобы ночь подумала, что она ещё спит, Жёна тихонечко встала и ступила босыми ногами на половику, связанный мамой, скользнула по полу, приоткрыла дверь в кухню, мерцающую таинственным отблеском луны, — немного замёрзли подошвы ног на гладком крашеном полу, — нажала на дверь в сени, та подалась, и вот она — ночь! Светит, мерцает, мигает и переливается серебряными колокольцами! И от края и до края — звёзды над гладью моря! Да, да, именно они, — подумалось тогда девочке, — были, есть и будут свидетелями всего, что происходило, происходит и обязательно будет происходить на планете Земля.

Любовь к истории у Жёны от папы. Особенно он интересовался древними мирами, древним Крымом. И заразил этим дочь. Она то и дело рисовала

в воображении различные картины прошлого, о том, например, как в причерноморских степях появились недружелюбные к другим народам скифы, войско, окутанное огромным облаком пыли, а там, внутри — скрип кибиток, стук копыт, мычание коров, бляение ягнят...

Могла ли Женя представить себе тогда, что все эти истории она будет рассказывать в недалёком будущем своим однополчанкам. “В ожидании погоды, — вспоминала Чечнева, — когда над аэродромом чуть не до земли опускался туман, или небо закрывала низкая облачность, мы обычно сидели под плоскостями машин и тогда обязательно просили Женю вспомнить что-нибудь... Балладу Жуковского сменяли сказки о подвигах рыцарей, Пушкина — Лермонтов. Память у неё была удивительная. Слушая, мы невольно забывали, что существует на свете дождь, туман, холод...”

“Вот плывёшь, берег пропадает... Море как бы втягивает тебя. И дно под тобой всё глубже и глубже, ты вся во власти этого гиганта, его бездны, и, может, оно не даст тебе вернуться... Или вдруг начнёт подниматься прямо на тебя! Качнуло, виден горизонт. И вновь необъятная морская равнина рвётся к тебе... А прибой: море тихо ласкает берег и как будто лениво пятится назад, шурша галькой”.

— Хотите, я расскажу вам грустную историю о древнем царе и его государстве? — И Женя рассказывала подругам о грозном царе Митриде Евпаторе, властелине Пантикапея, как тогда называлась Керчь. Своим нежным и певучим голосом она могла говорить часами, не уставая. Негромко, неторопливо, иногда умолкая, чтобы подруги могли прочувствовать то, о чём она рассказывала. Шумел дождь, стучал о доски сарая. Протекала дырявая крыша. Весёлые струйки воды, танцую, падали вниз и исчезали в соломе. Тесно прижавшись друг к другу, девушки сидели, полулежали на сырой соломе, в промокших комбинезонах, не замечая дождя и холода, забыв о войне и отступлении. Перед ними поблёскивало море, и вдали на волнах качался корабль...

— Женя, расскажи ещё что-нибудь!”

Ещё в школе Женя записалась в Московское отделение Всесоюзного астрономо-геодезического общества при Академии наук СССР. Занималась в отделе изучения переменных звёзд и в отделе изучения Солнца. Луна её тоже интересовала. *“Моя судьба решается — я записалась в коллектив наблюдателей. У меня разбежались глаза, когда увидела, сколько книг по астрономии! Я, кажется, особенно симпатизирую Солнцу, а Луна ассоциируется с героиней пушкинской “Барышни-крестьянки” — Лизой-Акулиной, поэтому обязательно пойду на заседание лунного отделения”* (из дневника Жени от 12 декабря 1937 года).

После выпускного вечера всех бывших школьников повезли на пароходе от Москвы до Горького и обратно. *“Сейчас кто-то чудно играет на скрипке. Я очень люблю скрипку — больше всех музыкальных инструментов. Под неё хочется мечтать, вспоминать лучшие дни и минуты своей жизни. Десятый час вечера. Пароход скоро отходит. Мы сидим на верхней палубе и прощаемся с Горьким. Вот он стоит на горке, над рекой, сияя ночными огнями. Торжественный момент. Совсем не хочется говорить о простом и обыденном. Сидим тихо. Мы мечтаем и... боимся мечтать. Но мечтать хорошо! Ведь если бы не было мечты у человека, жизнь была бы скучной, невесёлой. Вот я смотрю на звёздное небо, на Орион, Сириус и мечтаю о том, как я буду астрономом, как буду изучать их спектры, я вижу себя в обсерватории... А на самом деле? Ведь сколько мне ещё учиться! Но я уже сейчас смотрю на небо, как на свою будущую собственность. Мечта делает меня уверенной в своих силах, помогает заглянуть в будущее”* (из дневника Жени от 5 августа 1938 года).

Читаешь эти строки и невольно задаёшься вопросом... На дворе страшное время для страны: “тройки”, аресты, “десять лет без права переписки”, разделённые семьи, лесоповалы, сироты, лагеря, смерть и страх, отчаяние и боль, доносы ближних... Мечтать тогда надо было с крепко закрытыми глазами... А Женя?.. Она искренне верила, что живёт в самой лучшей в мире стране, самой миролюбивой и справедливой, где не может быть ничего плохого, она не могла бы поверить, что на её родине может

происходить всё это. Она хотела стать учёным, изучать звёзды и приносить пользу своей стране.

Доцент Московского авиационного института (МАИ) Феликс Зигель вспоминал: *“Она чувствовала поэзию профессии и поэзию звёздного неба — космическое чувство прекрасного было открыто ей. И не только. Если бы она могла, то посвятила бы себя и изучению морских глубин, и истории древних цивилизаций, и истории своей страны от самых, самых глубин. Эту замечательную девушку ожидала интересная, и не менее замечательная, как она сама, жизнь”*.

Женя добилась своего. Прекрасно закончив школу, поступила в Московский университет им М. В. Ломоносова, выбрав физико-математический факультет. *“В июне 1941 г. мы сдавали сессию. Сколько радужных планов было на лето! Но 22 июня перевернуло жизнь всей страны. Не прошло и двух месяцев, как все кардинально изменилось! Мы вместо мужчин, ушедших на фронт, работали в колхозе. И тоже решили уйти на фронт. А сейчас вставали в прозрачные рассветы и до солнца в зените метали и собирали в стога сухие и душистые травы. Мозоли — во всю ладонь! Пробовала косить — коса то по траве скользнет, то в землю зароется. Руки или далеко выбрасываю, или еле-еле взмах делаю. Ничего-то я не умею! Но ничего, я упорная, научусь. А тут сводки — наши отступили! Оставили местность после тяжёлых, кровопролитных боёв. Заберусь ночью в сено — душистое, сладкое — и плачу от жалости ко всему, ко всем, к себе. Решили с девушками-сокурсницами, твёрдо решили: как вернёмся — в райком комсомола или сразу в военкомат. Как решили, так и сделали. Катя Рябова, я и ещё девчонки пошли к военкому. Разговор был коротким.*

— Студентки?

— Из университета.

— Стране нужны специалисты. Учёба — ваш фронт.

Смертельно уставший, не выспавшийся, с запавшими щеками, военком уже не смотрел на нас, а мы всё стояли и ждали. Неужели трудно понять — общее дело дороже личного. Такое творится! А мы должны сидеть в аудиториях, будто ничего не случилось.

*“Посвист пуль вдалеке звенит,
рвутся мины, снаряды стальные,
безучастные звёзды глядят
на безумные ночи людские...
Эти пули в меня летят,
эти бомбы меня бомбят,
эти ночи во мне кричат...”*

Восьмого октября не успела в университет войти — навстречу Катя Рябова.

— ЦК комсомола объявил набор комсомольцев-добровольцев в армию! Там решили, что по комсомольской линии этим буду заниматься я, — сказала она...

Посмотрев на меня, поняла всё без слов, что я не упущу такой возможности, и внесла в списки мою фамилию. Точно знаю, если бы этого не случилось, меня же никто не неволил, презирала бы себя потом всю жизнь, единственное, что меня смущало, что не возьмут: одним из условий было хорошая спортивная подготовка. А я со спортом была на “вы”, — физические упражнения — не “мой конёк”... Потом на всех парусах понеслись в ЦК комсомола. Перед зданием — огромная очередь, вестибюль забит до отказа одними девушками. Шум, разговоры, смех... Узнаём — Марина Раскова, легендарная Марина Раскова формирует женскую авиационную часть. Бросило в жар: вот бы попасть! А тут ещё впархивает группа девушек, такие уверенные в себе, громкие... Спрашиваем — откуда? Из МАИ (Московского авиационного института). Мои надежды почти рухнули... Кому, как не им, в авиацию. Но я неплохо изучила пулемёт... Ладно, там видно будет... Высокая, тяжёлая дверь, обитая чёрной клеёнкой, с трудом, будто нехотя, наконец, пропущила и меня. Все изучающе смотрят”.

Комиссия ЦК комсомола — молодые, чуть старше Жени. Девушка услышала строгий голос, обращённый к ней:

— Фронт не танцы — это тяжёлая, суровая, изнурительная работа. У вас красивое платье, туфли, кудри выются, а там — слякоть, грязь, жара, мороз... Спать на голой земле придётся в любую погоду. И голод терпеть, и всякие лишения...

— Я готова на это. Я комсомолка.

— Там стреляют, могут и убить.

— Это война, и решение моё твёрдое.

— Вы на каком курсе?

— На четвёртом.

— Видите! Ещё немного — и вы астроном! Вас ждёт научная работа. Подумайте об этом...

— Без свободной родины не может быть и свободной науки (я ответила с пафосом, почти дерзко — нужно убедить комиссию!).

— А родители? — устало спросил председатель. Это был его последний козырь. Я заметила его измождённый вид, посмотрев прямо в глаза, и увидела в них ответ — понимание и сочувствие.

— Согласны...

— Можно порекомендовать в часть майора Расковой..." (из дневника Жени без даты).

9 мая 1976 года тот самый председатель комиссии Рязанцев дал интервью газете "Комсомольская правда". Там есть эпизод, посвящённый и Евгении Рудневой: "Мы тогда набирали добровольцев из институтов, с фабрик и заводов для работы в подполье, в диверсионных группах, в армию по разным специальностям. Приходили девушки — тоненькие, прозрачные, почти дети. До сих пор помню их образы — задорные, остроумные, весёлые, а какой напор в них был — сдержать совершенно невозможно! И поведение было настолько искренним, и выражение лиц такое, что и меня, и всех, кто фактически решал судьбу этих девчонок, не покидало двойственное чувство. С одной стороны, радовалось, что у нас такая молодёжь, с такой преданностью и любовью готовая защищать свою Родину, с другой — всё внутри болело, ведь ясно: не все они вернуться с войны... Многих мы старались отговорить, — в тылу люди не менее нужны. Да и поступок этот должен быть ответственным, ведь приходили люди, связанные семейными узами, детьми, больными и престарелыми родителями и др. Но они понимали всю ответственность — ведь война!.. Всё для фронта, всё для победы! Выбор был большой. Оказалось, у нас столько девушек-спортсменок по разным видам спорта, парашютисток из авиашкол, лётчиц. Когда началась война, многие лётчицы писали Марине Расковой, — они рвались на фронт, бить фашистов. Посоветовавшись с секретарём ЦК комсомола Михайловым, она обратилась в ЦК партии с инициативой создания женского боевого авиационного полка. Там её тоже поддержали — и была объявлена мобилизация по линии комсомола. Так Расковой было поручено сформировать женский авиаполк, а ЦК комсомола — помочь укомплектовать полк личным составом по специальностям: лётчицы, штурманы, механики, вооруженцы. По московским первичным организациям разослали оповещения — ЦК комсомола производит набор добровольцев. Всё происходило достаточно оперативно... Помню ли я Рудневу? Смешливая, задорная, весёлая, хорошенькая. Переживала: возьмут — не возьмут... Несколько раз входила со своими подружками, поддерживала каждую. И девочки тоже не только о себе говорили, но и о ней, ручались, ходатайствовали. Уже тогда было понятно, Женья — высокоинтеллектуальный человек. Слушала вопросы внимательно, отвечала взвешенно, обдуманно, аргументированно"...

"До войны я окончила Херсонскую лётную школу, где подготавливали лётчиков со штурманским уклоном для аэроклубов. 30 сентября 1941 г. во время завтрака начальник группы объявил, что пришла телеграмма, в которой сообщается, что Демченко, Гвоздикова и Розанова направляются в распоряжение Расковой. В академию им. Жуковского — сборный пункт формируемой женской авиачасти — прибыли 2 октября. Ночью заснуть не могли —

рассказывали разные истории, анекдоты, хохотали... Утром стали приходиться новички — они расположились отдельно. В ночь на 16 октября выдали обмундирование. Мы расстроились — всё велико, не по плечу. Но не унывали, наша самодеятельная портновская мастерская работала всюю: резали, подшивали, ушивали... К утру приобрели более или менее Божеский вид. Нас построили с вещмешками, в кобуру — вату, бумагу, — и строем направили на Курский вокзал. Вагоны товарные. Меня сразу назначили каптенарму-сом — делили поровну хлеб, сахар, селёдку... Штурманская группа ехала отдельно в одном вагоне, там же были все университетские и Жёня. Я их ещё не знала. Ехали две недели — “зелёная улица” была только по направлению к Москве: из Сибири безостановочно, на полном ходу летели поезда, спешили войска на защиту столицы; на платформах — танки и пушки, закрытые брезентом, и часовые...” (из рассказа штурмана полка Ларисы Розановой).

“...В городе завывли зенитки — вскинули ослепительные головы прожектора! — воздушная тревога! Такая ненависть внутри поднялась — бомбят Москву!!! Мою Москву! Мой Университет. А я бессильна. Никогда больше не испытывала я такой горечи, отчаяния...” “Как же мы все ждали приказа “на фронт”. Скорее на фронт! Каждый день, прожитый в тылу, жёг бессмысленной потерей времени. Хотя на минуту, час, на день приблизить День Победы! И вот, наконец, приказ об отпущении, не на фронт — на обучение. Надо, надо учиться, чтобы профессионально бить эту самонадеянную фашистскую сволочь!.. Наш товарняк стучит по рельсам. Мы едем на фронт. Не заметила, как стемнело. И стало как-то уютнее. Печурка весело потрескивает, и отсветы огня падают на лица, стены, потолок... Кто-то зашел: “Страна моя, Москва моя, ты самая любимая!!!” Память, любовь, разлука. Мы только покинули Москву суровую, солдатскую Москву с разрывами бомб, с уханьем зениток с непоколебимой решимостью стоять до конца!..” (из дневника Жёни от 16 октября 1941 года).

А в любимой столице мимо Большого театра понуро движется стадо истощённых коров... Может, из Белоруссии или Смоленщины... Над памятником Пушкину висит дирижабль... “Позади все волнения и страхи, позади тёмная тяжёлая дверь, за которой решалась моя судьба, — призовут, не призовут... Сейчас мы — солдаты! — в гимнастёрках, шинелях, кирзовых сапогах. Наш товарный состав подолгу стоит на станциях. Тогда бежим за кипятком и пытаемся раздобыть топлива для печурки, или просто размяться. На нас смотрят с уважением, любопытством. А вечером вспоминаем дом, родных, близких и любимых, у кого они есть... Рассказала девушкам, как любила слушать, как папка пел “Красноармеец умирал...” Он поёт, а я плачу. Говорит, раз плачешь, — петь не буду! Обниму его и плачу, — жалко красноармейца. “Ты, конёк вороной, передай, дорогой, что я честно погиб за рабочих...” Колёса вагона стучат на стыках... я предложила, хотите, расскажу вам сказку...” (из дневника Жёни от 20 октября 1941 года).

“Все мы, университетские, были зачислены в штурманскую группу. Полк имел уже солдатский состав и был распределён по группам. Лётная группа — лётчицы из аэроклубов и гражданского воздушного флота. Штурманская, где девушки уже имели звание штурманов, и мы, студенты с техническим образованием, направлялись в группу авиамехаников по вооружению, приборам, эксплуатации. Почти две недели добирались до места обучения — город Энгельс, что на Волге. Долго, конечно, но не столько была утомительной дорога, сколько ожидание — все стремились скорее начать обучение, тем более, что многие только там впервые в жизни должны были, можно сказать, вблизи, увидеть самолёты — истребители, бомбардировщики. При мирной жизни познание всех премудростей по лётно-техническим специальностям рассчитывалось на три года. А тут отводилось совсем мало времени — полгода! Уставали просто ужасно! Выручали молодость и энтузиазм. Занятия шли с учётом всей суровости военного времени — по десять, двенадцать часов в день! Штурманская группа изучала навигацию, аэродинамику, бомбометание. Учились стрелять из пистолета и пулемёта, изучали устав, проходили строевую подготовку. Помню такой случай: как-то перед очередным занятием кто-то сказал: “Чтобы не унесло ветром штурманское снаряжение, необходимо всё

привязывать”. Женья Руднева была настолько добросовестна, что тут же исполнила сказанное: раз привязать, — значит, привязать. Но как? Куда? И... обмотала ниткой блокнот, ветрочёт, карандаши и крепко-накрепко намотала нитки на пуговицы... и, довольная собой, встала в строй. Что тут началось! Прыснула одна, другая, третья... Потом повалились друг на друга и стали хохотать! Женья недоумённо оглядывалась — порядок перепутала? Не по правилам привязала? Марина Раскова сдвинула брови, в упор посмотрела на девушку. Закусила губу, махнула рукой, отвернулась и пошла куда-то в сторону... Женья поняла и засмеялась вместе со всеми. Опять включился её принцип — всё делать чётко и безукоризненно. У нас не было ещё понятия о военной службе, дисциплине. Да и что можно было усвоить за 2-3 месяца? Только азы. Даже в светлое время, на бредущем теряли ориентировку... Да, и в начале полётов почти все обморозились. Кабины на ПО-2 открытые, доступные всем ветрам...” (из рассказа Героя Советского Союза Екатерины Васильевны Рябовой).

“Сегодня у нас был обычный день, а вот вчера... его я запомню навсегда. Вечером мы приносили присягу. Я страшно волновалась, и вообще, весь день был такой торжественный! Везде белые хризантемы — на столе, на окнах, даже на полу. Я представляла себе заранее, как подойду к столу, возьму листок со словами присяги и начну читать — чего волноваться! Всё так и вышло, но вот только с волнением справиться так и не смогла: всё плыло перед глазами в каком-то величественно-торжественном танце, и это не я шла, а какая-то другая девушка — собранная, подтянутая. Серьёзная и страшно счастливая! В звонкой тишине услышала свой голос:

— Клянусь... Клянусь... Клянусь... — И “оковы” пали. Я почувствовала себя лёгкой, воздушной, куда девалась моя неловкость!” (из дневника Жени от 8 ноября 1941 года).

*“Вот мудрости конечный вывод:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идёт за них на бой”...*

Помнишь школьные годы, когда мы по-немецки учили этот отрывок из “Фауста”? Проклятые варвары, они позорят память великого Гёте тем, что говорят на его языке!..” (из письма Жени к школьной подруге от 3 марта 1944 года).

В тонкой папке — письма Жени, фронтовые фотографии: станция Ивановская, что на Кубани, 1943 год, у колодца — три девушки. Приветливые, улыбающиеся, молодые, волосы коротко стриженные; групповое фото — все весёлые, портретные, на фоне самолётов, с цветами и веточками рябины в руках, и много, много других... Вот Никулина ведро наклонила, Женья жестяную кружку держит — струя воды ударяет в дно кружки. Карпунина, улыбаясь, смотрит на них...

“Внешне мы приспособились к военному времени: гимнастёрки, брюки, сапоги, шинели, всё как у настоящих солдат. Но вот волосы! Волосы ещё довоенные, девичьи — или уложенные в косы, или длинные, или пушистые, или до плеч... И вдруг распоряжение начальника сборов особых полков Расковой: “Для всего личного состава устанавливаю единую причёску: перед — на пол-уха и под полку затылок. Признаться, мы загрузили: было больно расставаться с тем, что напоминало ту, другую — мирную, домашнюю жизнь. Но приказ есть приказ”... (из рассказа Екатерины Рябовой).

Фотографии из Жениного дневника — с группой из молодого пополнения проводит занятия штурман полка — она, Евгения Руднева, — 1943 год... Открытая, светлая поляна. Полукругом на траве сидят девушки, на коленях — штурманские карты. Справа — Женья:

— Как по солнцу определить место самолёта?

— Высота солнца измеряется с помощью оптического прибора — секстанта.

— Какая высота солнца должна быть в произвольно намеченной точке?

— Вычисляется по специальным таблицам.

— Если измеренная высота больше, значит, мы дальше от солнца и, наоборот. Каждая минута дуги равна морской миле.

Тишина, девушки внимательно считают, чертят на картах. Женя почти ласково смотрит на них — молодцы, старательные, глаза понимающие...

— Как действовать? С чего начать в воздухе? Помните: путь самолёту штурман должен указать самостоятельно!

— “А вдруг перепутаю? Высчитаю неточно? Вдруг не учту скорость ветра? Да мало ли что ещё?” Думаете так?

— Конечно! — раздался голоса.

— И я так думала. И это нормально. Решила — буду работать, пока не разберусь окончательно, до всех тонкостей, до мельчайших подробностей. Так же должны и вы, других путей нет... Перерыв!

Вздых облегчения. Захлопнулись тетради, блокноты... Женя тоже нашла на дужайке уютное место и легла на спину, положила руки за голову, вытянулась по струнке. Закрывает глаза, полежала немного. Нет, больно так, мысли разные закружились, воспоминания нахлынули, до слёз... Моё море, мои звёзды, мои родные, подруги и... Девушка-штурман распахнула глаза и просто утонула в безбрежном небе: причудливые облака, меняющие форму, завораживали: вот мишка косоплыв проплыл, а теперь вот — дракон трёхглавый, милая лохматая собака, такая домашняя, какой была соседская дворняга Зайка... Война... Зачем? За что? Почему? Отчего с самого своего рождения человечество не может жить в мире, ведь ему подарена просто так, даром, такая красота! Вот травы, такие зелёные, даже изумрудные в лучах солнца, нежные, красивые цветы, а какие цвета — ни один художник не придумает!.. И окутало очарование, нежность, спокойствие, ласковость и нега. И как с этим со всем войной уживается? Как не страшно этой чёрной, злой силе взирать на это благодушное величие, такое простое и такое мощное, сильное?.. Нет, зло никогда не победит, может оказаться в лидерах, но ненадолго. И так будет. А пока — война, и ужасно обидно, что люди так и не научились понимать друг друга, так и не нашли иного способа разрешать конфликты и противоречия, кроме как уничтожая себе подобных. Тогда почему же человеку присвоили звание разумного?..

Женя села. Ветерок распушил русые волосы. Откинулась, оперлась руками о землю, подставив лицо свежему ветерку. Какая благодать! Глаза то открывала, то закрывала. Женины глаза — голубые озёра: притягивают, завораживают. В них — строгость, серьёзность и озорство, застенчивость и лукавство. Глубина — целые миры. И ещё — готовность к жизни, счастливой, мирной, глубокой, интересной и многосторонней.

“Представь мою радость — 5 января впервые в жизни была в воздухе. Этого ощущения не описать, не передать словами! Мне казалось потом, на земле, что я вновь родилась в этот день. Но через два дня самолёт вошёл в штопор и сделал один переворот! Я была привязана ремнём и не сразу всё поняла, качалась-качалась, и вдруг — небо не над головой, а подо мной! Облака плывут, рукой можно потрогать. И знаешь, о чём я подумала в то мгновение? Что при вращении стакана жидкость из него не выливается, — значит, я не вылечу. И это длилось 22 минуты, и я их не заметила (т<ак> и<азываемое> субъективное время). Я только почувствовала, что это больше, чем в первый раз. А вчера моё наслаждение длилось уже 24 минуты!..” (из письма Жени школьной подруге от 9 января 1942 года).

“Учебные полёты! Сколь угодно горького и комичного можно о них рассказать. Занятия шли в ускоренном режиме и подолгу. Да ещё постоянные тревоги, дежурства в морозные ночи и многое, многое другое. Зима тогда стояла лютая. Морозы доходили до 40 градусов. Птицы замерзали на лету и падали на землю льдышками. Трескалась кора деревьев. Мы тоже промерзли до костей — превратишься в хрустящую сосульку, прежде чем выполнишь все полёты. А каково было техникам и вооруженцам? Но ведь нас предупреждали, что будет лихо, поэтому выстоять было делом чести, и у нас был негласный договор — “не пищать!” (из рассказа Екатерины Рябовой).

“Зима 41-го запомнится надолго. Мороз! Сквозные ветры, метели заносят аэродром с головой. Еле выволакиваем самолёты на стартовые дорожки,

а ещё нужно сесть в кабину, провести учебный полёт, отбомбиться! А металлические кабины покрываются инеем от нашего дыхания... А ночью! Заходим на цель раз, другой, бомбим, а упрямые “фонари” светят всюю! “Фонари” — костры на полигоне — воображаемые вражеские объекты. Но уж когда удаётся “погасить фонарь” — радости нет предела!” (из письма Жени подруге от 9 декабря 1941 года).

Пока лётчицы, штурманы, механики первого женского авиационного полка готовились, учились и мечтали побыстрее попасть на фронт, по всей линии фронта — от осаждённого, голодного Ленинграда до окопов Крыма и Аджимушкайских подземных каменоломен — шла ожесточённая, героическая битва всего советского народа, битва, какой человечество ещё не знало.

“Вылетели на фронт 23 мая. Первая посадка — у небольшого хуторка. Выскочили из самолётов — ахнули: весь луг усыпан июньскими цветами! А аромат — с ума сойти можно! Голубые, розовые, белые, красные — в ярком цветении зелени. Украсили пилотки, кабины самолётов — часть луга унесли с собой в небо... За Сталинградом — окопы, рвы, воронки — земля, перепаханная войной. Потом первый боевой вылет. Тихая безлунная июньская ночь. Цикады заливаются, волнами гуляет прогретый травяной воздух. На аэродроме начальство: командир дивизии полковник Попов, командиры из штабов дивизии, командир полка и командиры эскадрилий, заместители, лётчики, штурманы. Первое боевое задание. Все собраны, серьёзны, только вот сердце вдруг подкатит к горлу и ринется вниз, так что голова закружится. Но вида никто не подаёт — подготовка, команды, рапорты... Первыми вылетели командир полка Бершанская и штурман Бурзаева. Полёт в неизвестное. Что будет? Как сложится дальше наша фронтовая судьба? Первый женский авиационный полк должен ещё доказать свою жизнестойкость. Никто ещё не забыл, как сурово, недоверчиво комдив принял наш полк. Молча ходил от самолёта к самолёту, на девушек не смотрел. Украдкой посмотрела на небо — там птицы так уверенно и вальяжно купаются в воздушных потоках. Кто это? Наверно, ястребы или соколы, и не вальяжно и лениво, как кажется на первый взгляд, а зорко высматривают добычу. А лётчицы и штурманы стояли расстроенные и приунывшие, у всех плечи опущены... Раскова, видя наше настроение, умело подбадривала:

— Носы не вешать! Нам оказали исключительное доверие, разрешив создать единственную, полностью женскую авиачасть. Мы обязаны оправдать это доверие. И мы его оправдаем! Залогом тому — ваше мастерство, патриотизм, работоспособность, любовь к Родине и стремление бить захватчиков!..

Время, кажется, остановилось. Уже истёк срок полёта, а в небе — тишина! Но вот — знакомый гул! Родной самолёт вырывается из облаков... Уверенный рапорт командира полка: задание выполнено! Вышли на цель, отбомбились. Видели огонь, взрывы.

Мой вылет завтра, в ночь. Написала заявление: “Хочу идти в бой коммунистом! Клянусь до последней капли крови громить фашистских оккупантов!” — отдала комсorghу Ольге Фокиной. В душе всё трепетало. Не помню, как села в самолёт, только всё время твердила: “Всё пройдёт отлично!” Слишком долго я ждала этого момента... Я в кабине. Ветер обдувает лицо, звёзды, мои родные звёзды мерцают тихо и ободряюще: “Держись, Женья!” Мои родные, я вас не подведу! Передо мной лётчица Нина Распопова. Загудели моторы, самолёт качнулся и легко оторвался от земли. Наш легкокрылый ПО-2. Летим низко, слежу по карте за маршрутом. Мы у цели. Цель! Тяну за шарики бомбосбрасывателя, наши “подарки” фашистам достигли цели. Самолёт вздрагивает, внизу взрыв, пламя! Но ни прожекторов, ни зениток! Странно... Разворачиваемся. Курс — домой. Напряжение постепенно спадает, только чувствую, как одеревенела спина, и дрожат руки и ноги. Откидываюсь на спинку. Слежу по карте — время быть аэродрому, но кругом полная тьма и никаких опознавательных знаков. Заходим ещё и ещё — полная неизвестность. Сели по расчётам. Точно. Без навыка не заметили замаскированного аэродрома”. (из дневника Жени от 22 июня 1942 года).

“Когда экипаж вернулся с задания, я одна из первых поздравила девочек с их первым боевым вылетом. Женья взволнованная, с горящими глазами

говорила: “Товарищ комиссар, я чувствовала себя в воздухе очень хорошо. Вела ориентировку, следила за воздухом, а цель я сразу узнала. На линии фронта видела перестрелку с двух сторон, враг активничает. Когда подошли к цели, я говорила лётчице: “Бросаю бомбы!” — и потянулась за шариками бомбосбрасывателя. Самолёт чуть дрогнул, я кричу: “За Родину!” Лётчик круто повернула самолёт, и мы увидели на земле два мощных взрыва. На сердце — неописуемая радость! Я могу своей рукой уничтожать врагов! Нет, кажется, лучшего счастья на земле, чем быть полезной Родине в момент опасности!..” Так состоялся самый первый боевой вылет. Впереди было ещё 644 и ...645-й. Но ведь не только полёты, бомбёжки, приказы были у Жени и у всех других героических девушек. На войне особенно обострённо человек жаждет тепла, внимания, любви. Да, да, именно любви” (из рассказа комиссара полка Евдокии Рачкевич).

С кем дружила Жёня? Что ценила в людях? Как поступала в тех или иных обстоятельствах? “...Это было 24 июня 1942 года. Рудневу назначили ко мне штурманом экипажа. С этого дня и началась наша совместная боевая работа. Сначала первые полёты проводила осторожно, даже робко, но как работала над собой! Её целеустремлённость меня поражала до глубины души. И потом, её обаяние, искренность, доброжелательность вселила уверенность в полёте, всегда знала — она не подведёт. По её расчётам точно выйдешь на цель, точно отбомбишься и, самое главное, точно вовремя вернёшься домой. Помню полёт, когда не отбомбились, и со стокилограммовой бомбой нужно было произвести посадку! Я, честно говоря, запаниковала. Но, услышав голос Жени, говорившей чётко и спокойно, пришла в себя: “Дина, это посадка будет опасной, бомба уже без ветрянки, и если она хотя бы несильно ударит о землю носом, мы с тобой в воздухе”. Мы сумели написать записку в воздухе, предупредили о причине такой посадки с бомбой, ситуация, прямо скажем, не из приятных, минусовая в твоей лётной работе. Но умница Жёня — как я гордилась ею в тот момент! Нашла выход — подсветила мне лётное поле ракетой, и я сумела осторожно сесть!” (из воспоминаний командира полка Дины Никулиной).

С первыми боевыми вылетами начались и первые потери — девушки теряли подруг, не вернувшихся с задания. Страшно, больно, но всё понимали — на войне, как на войне. И никаких рыданий, истерик... Все внутри, а если слёзы, то не напоказ. После гибели штурмана эскадрильи Веры Тарасовой штурман полка Лариса Рязанова назначила Жёню на её место. К этому моменту она была уже уверенным, грамотным штурманом. Получила звание младшего лейтенанта. “Как же после этого мы работали две последние ночи! Не бомбили — “Героическую симфонию” в небе разыгрывали!” (из дневника Жени от 15 сентября 1942 года).

13 сентября, почти через год пребывания Жени в армии, её наградили орденом Красной Звезды.

В жизни каждой девушки рано или поздно случается чудо — она встречает любовь. И эта встреча кардинально меняет её жизнь: кого-то она делает счастливой, сначала невестой, потом женой и мамой, а потом и бабушкой в окружении любящих внуков, а кого-то ломает, калечит жизнь и судьбу. Пришёл и час Жени. Она полюбила пылко и искренне. И ей ответили тем же.

“Удивительно, идёт война — горе, кровь, слёзы, а у меня самое счастливое время. Возможно ли это? Да! Да! Да! Такой полноты жизни я не ощущала никогда. Я нужна — я на переднем крае борьбы и тревог. И я люблю. Да, люблю и любима! Это может показаться кощунством, но истина такова... Слава, любимый Славка! Ты сделал мою жизнь полной и такой осмысленной, что порой всё кажется нереальным. Я заглянула в тайну счастья... За что такая милость, чем я лучше других?” (из дневника Жени от 20 декабря 1943 года).

“Мы познакомились в ноябре 1943 года, когда я летала в отпуск в Москву. 17 ноября еле дотянули до Батайска. Упал густой туман. Пришлось под ним “загорать”, взлёт не разрешали. А утро выдалось лёгкое — небо голубое и высоченное, как весенний свет. Ветер распространял запах увядающей

травы, остывающей земли, шорох листвы. Такое мирное, ласковое утро, что хотелось кричать от радости бытия. Я, как губка, вбирала звуки, свет, объёмность простора и шалела в предчувствии счастья... Идёт война, и я так слилась с ней, что забыла, что есть же другой мир! Мир, в котором живут для родных и любимых, и ради которых мы так жаждем победы. Мы только что были в небе, и вдруг совершили посадку, и этот внезапный вопрос лейтенанта, казалось бы, что тут особенного? Простая случайность. Но почему от звука его голоса я почувствовала радость, и она была во всём. Не помню, что ответила, что он говорил, как мы отошли от самолёта и пошли в поле... Факт его появления был чудом. Его лицо — чудо: светлые волосы, серые, распахнутые миру глаза, прямой нос, красивые, чёткие губы — всё было чудом”.

“Моя милая Женечка! Вот прошло двое суток, на протяжении которых стараюсь внушить себе мысль, что на скорое свидание с тобой рассчитывать не могу. Смягчает мою тоску по тебе подаренная тобой фотография. Огромное спасибо за неё. Когда грустно и тоскливо, сажусь где-нибудь в уединении и долго смотрю на тебя, и вспоминаю, как прекрасна ты была в свой день рождения: раскрасневшиеся щёки, блестящие голубые глаза, волнистые золотые волосы и чарующая улыбка. И ещё твой смех, а тембр твоего голоса всё звучит во мне... Благодарю, что тогда сама сказала мне о своём ко мне чувстве, что разрешила поцеловать тебя. Я и сейчас чувствую тепло твоих губ. Я вспоминаю, как держал тебя в своих объятиях. Да, я нашёл своё счастье, тебя, моя милая Женечка. И у меня теперь есть цель — стать достойным тебя. Всю свою жизнь я посвящаю тебе... Ты мне очень и очень дорога! Думаю, что не обижу тебя, если скажу, что считаю тебя своей невестой, моя милая Женечка! Крепко целую, твой Слава” (из письма от 26 декабря 1943 года).

В архиве Центрального Комитета комсомола есть наградной лист Е. М. Рудневой. В нём, в частности, отмечается: “В ночь на 16 апреля 1943 <года> товарищ Руднева произвела бомбометание по отступающим войскам противника по дороге от пункта Славянская. В результате точного бомбометания был сильный взрыв. По подтверждению последующих экипажей рвались машины с боеприпасами... За период работы тов. Рудневой эскадрилья произвела 34600 боевых самолётовылетов с боевым налётом 4200 часов без единого невыполнения боевой задачи по вине штурманской службы”.

“Случилось ужасное. Ну, почему в марте у нас что-то происходит? Необратимое. Мистическое и трагическое. Так было и в прошлом году. В ночь с 31 марта на 1 апреля на четвёртом развороте девушки Полина Макагон и Лида Свистунова столкнулись с самолётом Юли Пашковой и Кати Доспановой. 2 апреля Лиду и Полину похоронили, Юля умерла сегодня утром, а Катя, возможно, выживет...”

Об этом же событии написала и парторг полка Мария Рунт: “...Вот прошло время, сейчас им было бы за пятьдесят, но я их помню и знаю молодыми. Лида Свистунова — изумительный человек, а глаза: большие, тёмные, бархатные. Прекрасный штурман. И при этом мягкая, женственная, душевная. Очень добрая. Прекрасные качества для педагога, ведь после войны собиралась вернуться в школу. Видела однажды, как она собирала фиалки — такой восторг на лице, прелесть! Это не поза, не игра — это была искренняя радость... Потом — Лида мертва. Как плакал один лётчик из соседнего полка, как плакал! “Какая это была девушка! Вы же не знаете, какая это была девушка! — повторял он в отчаянии...”

Заместитель командира полка по лётной части Серафима Тарасовна Амосова вспоминает: “В войну каждый полёт — риск. Но не было чувства страха — мы работали. Летали на цель, предварительно тщательно изучив её. Вот вылетают первые, кружат над целью — немцы молчат, не демаскируются. Сбросим бомбы — тут же прожектора, зенитные пулемёты — зелёные, красные, жёлтые, белые трассы пуль — красивое зрелище!”

“1 мая встречала в воздухе. В 00:14 вместе с гвардии капитаном Амосовой “поздравили” фрицев. Летали ещё и ещё, душу отводили. Всего 15 вылетов. Теперь меня усиленно оставляют дома. Хочу цветов! На комоды стоят два букета отцветших тюльпанов. Хочу музыки! Бесконечно завожу “Неапо-

литанскую ночь”. После войны комната у меня всегда будет в цветах. И всегда будет звучать музыка! Как хочется поскорее увидеть этот долгожданный конец войны!” (из дневника Жени от 12 мая 1943 года).

“В одну из ночей полетели с Мариной Чечневой на Керчь. Решили ударить в лоб. Нурыли между прожекторов, ускользали от щупалец, снизились, подошли к цели — сбросили бомбы, высунулась из кабины — полыхает внизу! Прожектора стали искать нас выше. Марина переключивала самолёт с одного крена на другой, ныряла среди слепящих столбов света. Какое это зрелище! Если бы могла нарисовать всё это! Вокруг всё полыхает светом, крутится, вертится, разбивает тьму, но она смыкается и спасает нас...” (из дневника Жени от 2 апреля 1944 года).

“Ещё один рассвет встречаем в полёте. Этот — над моим Азовским морем... Шесть раз поднимались в воздух, сбрасывали бомбы, видели огонь, взрывы, нас подбрасывало волной, вертелись в разрывах “зениток” и “эрликонов”. Сейчас тишина. Мерно урчит мотор и клонит в сон. Невидимые тиски отпустили сердце — оно счастливое и лёгкое. Мы сделали своё дело и сделали, кажется неплохо. Густая чернота воздуха просветлела, серебристая дымка окутывает землю. А в небе ещё яркие звёзды...”

— Жёня, какую звезду любишь больше всего?

Не сразу поняла, что вопрос обращён ко мне. С трудом вернулась из “далёкого путешествия” в родной дом — уютная теплота родительского крова отступила, остался холодный звёздный мир.

— Бетельгейзе.

— Вон та, белая и яркая?

— Это Сириус, самая яркая звезда неба из созвездия Большого Пса. А Бетельгейзе — вторая по яркости звезда, оранжево-красная...

Рассказываю о любимых звёздах и невольно думаю: когда это было? Занятия в астрономическом обществе... Наблюдения... Школа, экзамены, университет. Сейчас ночь, летим с боевого задания: только мы с лётчицей и звёздное небо... Когда же закончится война? Когда снова смогу войти в родные студенческие аудитории и слушать с наслаждением любимых профессоров? Кажется, я всё забыла-перезабыла, и начинать придётся с азов. Но с каким бы наслаждением начала бы я долбить эти азы! Эти мысли мелькают мгновенно, моя лётчица и не догадывается о них, потому что я почти без перебоев рассказываю ей:

— Бетельгейзе — красный гигант из созвездия Ориона. Эта звезда в 450 раз больше нашего Солнца! И если их, скажем, поменять местами, то мы оказались бы глубоко в её недрах. Внутри звезды оказалась бы и орбита Марса” (из дневника Жени от 14 февраля 1944 года).

Одна из последних дневниковых записей Евгении Максимовны Рудневой. Она, как последнее письмо, как прощание навсегда, но без боли и отчаяния. “Ночь с 8 на 9 апреля предельно напряжена. Непрерывно бомбим вражеские позиции. Только из грохота, огня возвращается вздрагивающая, разгорячённая машина — тут же вооруженцы, техники снаряжают её в новый полёт. Экипажи порой не вылезают из кабин. На разведку лечу с Юшиной. Полночь. Взяли курс на Булганак в районе Керчи. Район лично мной обследован в разведке и тщательно описан. К цели подойти не успели — шквал прожекторов и зениток обрушился на нас... Сейчас полечу с Прокофьевой.

Как-то тревожно на душе. Сердце жмёт от предчувствий. Мамуля, как ты себя чувствуешь? Папочка, всё ли у вас в порядке? Славочка, милый, родной Славочка, светлячок мой, радость сердца, всю свою дальнейшую жизнь, если ничего не помешает, я хочу посвятить тебе, нашим детям, и ещё у меня есть одно тайное желание, я расскажу о нём только вам, родные. Я хочу открыть звезду. Звезду счастья, Победы... Любимые мои, при ясной погоде смотрите на Сириус, как условились, и думайте обо мне. Я тоже буду смотреть и думать о вас... Я всегда, ещё с детства знала, что звёзды — история человеческого общества. Их изучали, по ним предсказывали судьбы, ими угнетали и призывали к свободе. Были звёзды несчастий и страхов, радости и всепоглощающей любви. Нет простых звёзд, каждая эпоха имела свою звезду. Были и поэтические звёзды. Небо Венеры, например, Данте сравнивал

с риторикой, а они в то время были как сёстры-близнецы... Ну, всё, пора, надо заканчивать, ведь о звёздах я могу писать, не останавливаясь...

Тьму рванули прожектора — в перекрестье их лучей бился маленький самолёт. Он казался светлым, беззащитным мотыльком. Снизу застрочила автоматическая зенитная пушка “Эрликон”. Лучи прожекторов крепко держали светлый самолёт, — он был в самом центре разрывов. На самолёте блеснуло красное пятно. Может, показалось? Нет! Пятно быстро увеличивалось, и вскоре огонь охватил всю машину. Самолёт, не разворачиваясь, летел на запад. И вдруг земля окрасилось фонтанами огня! По цели бил горящий самолёт! Четыре бомбы, одна за другой рванули вражеский тыл. А сам падающий горящий самолёт вдруг заискрился разноцветными огоньками: зелёные, белые, красные... Это рвались ракеты, ведь ими всегда полна кабина штурмана...

В своё время Жёня переписала в свой дневник рассказ Джимми Коллинза о смерти самого себя... Как предчувствие? Или она видела свою смерть и переживала её чужими ощущениями? Этот вопрос так и останется без ответа... А это уже про неё...

...Слепят прожектора. Разрывы хлопают выше и ниже. Самолёт вздрагивает, трясётся. Потом как будто “тюкнуло” в нос — язык пламени, облизывая бок, ударил в крыло. Сбить, надо сбить пламя!

— В пике! Уходи в пике!

В ответ молчание. Неужели лётчица убита? Нет, ранена — самолёт продолжает полёт...

И вдруг — огненная печь. Мне показалось, мы попали в огненную печь. “Эрликон”, это “эрликон”. Мы горим...

Бомбы, бомбы, успеть сбросить бомбы!

Надо нажать со всей силой, всей собой — и бомбы летят вниз, знаю, что летят, самолёт стал легче. Он трещит, как сухая лучина на растопке. Качнулся от взрывной волны. Попали, значит, попали!

Мы летим, летим... вниз. В волны бы!

...Это комета из космических глубин. Метеорит. А я — душа его. Я не чувствую себя, мне так легко. Меня нет, и я есть одновременно! Нет, я ещё есть — и я думаю о вас, родные мои. И о Славике. Думаю и жалею. И всех вас жалею!

Пустая гулкая улица... Удер-ж-а-ать, удерж-а-а-а-ать!

Ракеты рвутся — не вижу, но чувствую, знаю. И свист, сви-и-и-ист! Он разрывает всё, он не кончается. Он кричит: “Жи-и-и-ить! Жи-и-и-и-и-ить! Жи-и-и-и-и-и-и-и-ить...”

Р. С.: Жёня не успела открыть свою звезду. За неё это сделали другие и назвали в её честь, только не звезду, а планету. В газетах от 27 марта 1977 года сообщалось: “Астероиду под номером 1907, открытому 11 сентября 1972 года сотрудницей Крымской астрофизической обсерватории АН СССР Л. И. Черных, присвоено имя “Руднева”. Малая планета названа в честь Героя Советского Союза Евгении Рудневой, отдавшей жизнь за победу своего народа.

В 1971 году у здания школы №15, которая носит имя Героя Советского Союза Евгении Рудневой, установлен памятник. На высоком постаменте — скульптурный портрет штурмана 46-го гвардейского полка, красивой девушки с одухотворённым лицом, отдавшей жизнь за Родину, за свой народ. Авторы памятника — скульптор Р. В. Сердюк, архитектор А. Н. Морозов. Похоронена Е. М. Руднева в Керчи на воинском кладбище.